

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

2020

Спецвыпуск

АЛЬМАНАХА

Номинанты

Российской

литературной премии

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Альманах «Российский колокол»

Альманах

**Альманах «Российский колокол»
Спецвыпуск «Номинанты
Российской литературной премии»**

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

Альманах

Альманах «Российский колокол» Спецвыпуск «Номинанты Российской литературной премии» / Альманах — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Альманах «Российский колокол»)

ISBN 978-5-907395-03-9

Вероятно, многие авторы, чье творчество вошло в эту книгу, окажутся читателям знакомы, другие, напротив, станут интересным открытием. Они очень разные, и объединяет их номинация на Российскую литературную премию. В определенном смысле этот сборник представляет собой и итог проделанной работы, и некий этап – не только работы над литературной премией, но и еще чего-то важного. Это еще один срез литературы, по которому можно изучить ее современное состояние. Это остановка, когда можно всмотреться в поэтов и писателей, увидеть самые яркие черты их творчества, постичь индивидуальность их таланта. Сборник объединяет стихи и прозу самых разных направлений. Один рассказ звучит как голос зрелого мудреца, желающего поведать о прошлом, которое так важно сохранить в памяти не только свидетелей, но и потомков. Другой, как объективный до беспощадности фотоаппарат, запечатлевает происходящее сегодня – страшное, но и как будто далекое. Но расстояния относительно – особенно в современном динамичном мире, и человек в наши дни менее чем когда-либо может – и хочет! – быть «островом», отделенным от всех прочих. Поэтому отдаленные трагедии становятся близки живой душе – просто потому, что она живая.

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

ISBN 978-5-907395-03-9

© Альманах, 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Предисловие	7
Рамиз Аббаслы	8
Там, в Кременчуге...	9
Первый возвращенец	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Альманах Российский колокол. «Номинанты Российской литературной премии». Спецвыпуск

Спецвыпуск альманаха является Приложением к журналу «Российский колокол».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 09.11.04, ПИ № ФС 77-18759.

Журнал выходит при содействии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Предисловие

Вероятно, многие авторы, чье творчество вошло в эту книгу, окажутся читателям знакомы, другие, напротив, станут интересным открытием. Они очень разные, и объединяет их номинация на Российскую литературную премию. В определенном смысле этот сборник представляет собой и итог проделанной работы, и некий этап – не только работы над литературной премией, но и еще чего-то важного.

Это еще один срез литературы, по которому можно изучить ее современное состояние. Это остановка, когда можно всмотреться в поэтов и писателей, увидеть самые яркие черты их творчества, постичь индивидуальность их таланта.

Сборник объединяет стихи и прозу самых разных направлений. Один рассказ звучит как голос зрелого мудреца, желающего поведать о прошлом, которое так важно сохранить в памяти не только свидетелей, но и потомков. Другой, как объективный до беспощадности фотоаппарат, запечатлевает происходящее сегодня – страшное, но и как будто далекое. Но расстояния относительно – особенно в современном динамичном мире, и человек в наши дни менее чем когда-либо может – и хочет! – быть «островом», отделенным от всех прочих. Поэтому отдаленные трагедии становятся близки живой душе – просто потому, что она живая.

Иные рассказы, казалось бы, уводят в прекрасный мир вымысла, пленительного и красочного романтизма. Но присмотришься, вчитаешься – и видишь, что у необычных людей в отдаленных краях и чувства те же, и трагедии отзываются в наших сердцах. За строками прочитывается возможность единства, человеческой близости и слитности, которая бывает так нужна в нелегкое время.

Однако принятие и понимание общего не означает забвения своего. Поэтому в поэзии, вошедшей в сборник, так сильна нота гражданственности и патриотизма в самом широком смысле. Природа, воспетая в стихах, видится прекрасной не только сама по себе, но и потому, что всем сердцем любима. Верить в будущее родной страны может только тот, кто глубоко уважает ее и свой народ. А для этого нужно чтить прошлое, ни себе, ни другим не позволяя ни малейшей недобросовестности в его изучении и описании.

Неудивительно, что в сборнике немало произведений посвящено трагическим страницам Великой Отечественной войны. Свидетелей тех событий осталось немного, и потому память о войне нужно особенно бережно сохранять, чтобы она в дальнейшем не обернулась своей противоположностью. А с другой стороны – современные произведения, запечатлевающие события «здесь и сейчас» в будущем могут стать художественным документом эпохи.

Рамиз Аббаслы

Азербайджанский писатель, переводчик художественной литературы.

Родился 1 июля 1948 года в селе Паправенд Агдамского района Азербайджанской Республики. Учился в сельской школе. Очень любил точные науки – математику, физику, химию. Большой интерес проявлял к музыке, рисовал, читал художественную литературу: азербайджанские сказки, дастаны; особенно понравился ему эпос «Кёр-оглы». Учился в Бакинском государственном университете.

Пишет на азербайджанском и русском языках. Художественную литературу переводит с английского, немецкого и русского языков. Автор пяти книг, многочисленных статей и переводов.

Там, в Кременчуге...

рассказ

Если посмотреть со стороны, наша школа была красивой. Двухэтажное красивое здание. Раньше оно принадлежало местному дворянину – Джумшуд-беку. Советская власть конфисковала его и передала в распоряжение детей местного населения. Я тоже учился в этой школе. Это было красивое здание.

Однажды во время большой перемены я поднялся на второй этаж, где в самом дальнем кабинете занимались ученики четвертого класса. Там учился и мой старший брат. Сам я был второклассником, мы занимались на первом этаже. Вообще-то я не любил ходить к брату в класс, он ко мне – тоже. Но это был особый день, поэтому я поднялся на второй этаж и зашел в четвертый класс. Была перемена, а в классе было всего два ученика: мой брат и сын председателя колхоза. При виде меня последний, зловеще улыбаясь, сказал:

– А-а, смотри-ка, у него медаль!

Он был прав: действительно, на левой стороне груди у меня была медаль, хорошая настоящая медаль. Как она блестела... Я приобрел ее недавно. Вчера случайно я заметил, что мой старший брат открыл чемодан, который всегда стоял в углу нашей единственной комнаты, а на нем лежали одеяло и одежда. Из него он вытащил какой-то сверток. А в нем, оказывается, были ордена и медали отца, полученные за участие в войне.

Отец был фронтовиком. Но в армию он был призван не в связи с началом войны. Когда на нашу страну напала фашистская Германия, он уже был в армии. Вернулся же весной 1944 года – его демобилизовали как инвалида войны. Спустя годы он иногда рассказывал о войне и, как правило, всегда упоминал украинский город Кременчуг, где он был тяжело ранен, попал в госпиталь, из которого совершил побег.

Когда я был маленьким, война казалась мне далеким прошлым. Фильмы о ней интересовали меня больше, чем рассказы живых людей – участников войны. Поэтому я не задавал отцу вопросов и даже не интересовался, где был он до Кременчуга. Отец же довольно часто упоминал этот город и при первой возможности начинал свой рассказ: «Там, в Кременчуге...»

Позднее, когда отца уже не было в живых, на основании его рассказов я пришел к выводу, что он участвовал в широкомасштабной Полтавско-Кременчугской военной операции, которая началась летом 1943 года. Это была очень крупная военная операция, в результате которой была освобождена Левобережная Украина и советские войска форсировали Днепр. Кременчуг же был атакован 5-й и 53-й армиями, которые, вклинившись в оборону противника, в течение двухдневных боев – 28 и 29 сентября – освободили город. Значит, отец был в составе одной из этих армий, которые в дальнейшем вышли к Днепру и форсировали его. Но отец об этом ничего не рассказывал. Значит, его боевой путь закончился в районе Кременчуга.

Ранений у него было много. В госпитале вылечили все его раны, кроме одной. Осколок то ли от ручной гранаты, то ли от снаряда или бомбы, попав точно в середину предплечья левой руки, прошел насквозь между лучевой и локтевой костями, при этом не проломил их, но в какой-то степени повредил и вышел наружу. После длительного лечения остались следы от этой раны: черное, по краям морщинистое пятно величиной с куриное яйцо – это было на внутренней стороне руки, куда попал осколок; а с наружной части руки, откуда вышел осколок, – темно-коричневая вмятина длиной более десяти сантиметров, шириной же около двух сантиметров.

Уровень медицины тех лет не позволял быстро вылечить сквозную рану с повреждением двух костей. На это требовалось время. Рану в госпитале лечили несколько недель. Процесс улучшения шел очень медленно. Сам солдат с такой раной уже не годился к военной службе. Надо было его демобилизовать. Однако с такой раной отправить его домой было бы опасно из-

за возможной гангрены. Ему требовалось длительное лечение, но годами держать его в госпитале тоже было нельзя. Выход из этой ситуации был один – ампутация руки с локтевого сустава. Начали готовиться к операции. Молодой человек был в курсе дел и все знал. Сами доктора, а также выдавшие виды медсестры объяснили ему, что даже в условиях больницы такую рану вылечить в срок – за полгода или за год – невозможно.

– Ты молодой, здоровый человек, – сказали ему. – Не будешь же годами лежать в больнице и лечиться. Люди живут без двух рук, без двух ног, иногда бывает даже хуже. А у тебя не будет только половины левой руки, ниже локтевого сустава, – в этом ничего страшного нет.

Раненый солдат внимательно выслушал все эти доводы. Но у него было другое мнение: можно обойтись без ампутации. Да, понятно, у докторов нет времени с ним долго возиться. И обстановка не позволяет – очень много раненых. А у него самого же времени предостаточно: строго соблюдая предписания врачей, в домашних условиях он сам занялся бы лечением своей руки. Но увы. На следующий день назначена ампутация. Этого не избежать.

Молодой человек долго думал и наконец... Ведь недаром же говорят, что даже из самого трудного и, казалось бы, безвыходного положения есть минимум два выхода. Раненый солдат тоже нашел выход.

В полтретьего ночи он открыл глаза. Фактически он не спал, просто дремал, делал вид, что спит. Была глубокая ночь. Весь персонал и больные спали. Солдат встал, оделся, взял необходимые вещи, которые уже заранее были подготовлены, открыл окно палаты и через него выбрался из госпиталя, осторожно закрыв его за собой.

Зима была в разгаре. Куда ни глянь – везде лес и снег. Воздух был холодный и чистый. В ночной тишине был слышен хруст снега под ногами. Он шел не оглядываясь и не останавливаясь. Это был побег. Но он не был дезертиром. Он сбежал не из тюрьмы или лагеря. Он был не согласен с решением докторов и без их разрешения покинул госпиталь. В его действиях не было криминала. Но все равно отец боялся, что за ним придут, поймают и заставят его вернуться назад. Поэтому старался до рассвета как можно дальше удалиться от госпиталя.

Наконец стало рассветать. Оказалось, он движется куда надо – прямо на восток. Интересно, а в темноте куда он шел: на восток или на запад? Если ночью он шел на запад, а днем будет идти на восток, то через несколько часов окажется в окрестностях госпиталя, где, наверно, его уже начали искать. Нужно прояснить ситуацию. Он остановился, озираясь, изучая свои следы, вернулся назад. И, к его радости, оказывается, даже в ночной темноте он интуитивно шел примерно на восток. Это, конечно, хорошо. А теперь, ориентируясь по зимнему солнцу, он точно пойдет на восток. Как военный человек, он хорошо знал свои физические возможности, и, по его расчетам, уже был примерно на расстоянии пяти километров от госпиталя. Но это не означало, что опасность миновала. Пока светло, надо по возможности увеличить это расстояние.

Вокруг были снег и лес. Раненый солдат шел не останавливаясь. Его беспокоила усиливающаяся боль в раненой руке и голод. У него не было ни пищи, ни возможности найти в зимнем лесу что-нибудь съестное. Вокруг лежал снег, а это значит, что проблем с чистой водой нет. Но и этим нельзя злоупотреблять, иначе можно заболеть. И в таких условиях надо идти не останавливаясь – только это спасет его от жестоких врачей и от замерзания.

Был уже полдень. Наступило время обеда, и голод давал о себе знать. Но пока надеяться было не на что. И солдат продолжал свой путь. По его расчетам, госпиталь остался далеко позади на расстоянии около десяти километров. Приличное расстояние. Интересно, что сделали врачи и медсестры, не найдя его в палате?

На западе солнце вплотную приближалось к горизонту. Скоро ночь. Мороз крепчал. Усилились и боли в раненой руке. Чувство голода не давало покоя. В последний раз он ел вчера вечером. Потратив много сил на длинный марш-бросок – и на таком чистом воздухе! – он сильно проголодался. Вот были бы сейчас тарелка борща с мясом, полбуханки черного хлеба

и сто грамм водки... Для полного счастья человеку иногда не очень-то много надо. Но не надо дразнить себя. Еды нет, и неизвестно, когда будет. Мысли о ней обостряют чувство голода. Лучше думать о чем-нибудь другом... Нет, не получается! Украинский борщ с мясом не выходят из головы. Все мысли крутятся вокруг этой тарелки, порой натываясь на буханку хлеба...

Он остановился в полной темноте. Впереди его ждет длинная холодная зимняя ночь. Кругом голые деревья и снег. Он страшно устал, уже еле держался на ногах. Куда он идет? Конечно, на восток. Нет, неправда. Сейчас нет уверенности, что он действительно идет на восток, потому что уже ночь и ориентира нет. Скорее всего, он крутится вокруг какой-то неизвестной точки. А если даже идет на восток, от этого никакой пользы не будет. Сколько можно? Когда же кончится этот марш-бросок на восток? Кажется, спасая свою раненую руку, он совершил роковую ошибку и окончательно погубил себя... Да, вот дела... А если вернуться назад? Нет, это тоже не спасет. Уже поздно. Он по своей собственной глупости загнал себя в такой тупик, что оттуда нет выхода. Он сам себя погубил. У него уже нет сил идти ни на восток, ни на запад. В эту ночь он погибнет непременно. Мало осталось, скоро ему конец.

Несмотря на эти пессимистические думы, заблудившийся зимой в бескрайнем лесу раненый солдат хоть мало и медленно, но все равно продолжал идти. Он не знал, куда идет. Но это неважно. Сейчас главное – не остановиться. Оказывается, вся эта затея от начала и до конца была смехотворно глупа. Да, видите ли, какая гениальная идея: совершить побег из госпиталя, чтобы спасти свою руку! Это ж надо было додуматься! Вот тебе и результат. А теперь пожинай плоды собственной глупости.

Все равно пока есть силы – а их уже совсем не было, – он не остановится. Но для того чтобы всю ночь двигаться, ему на какое-то время надо присесть и чуть-чуть отдохнуть. Ноги как устали. Нет, давайте не заниматься пустяками и делать то, что нужно. Без короткой передышки не обойдемся.

Он уже нашел удобное место, где, прислонившись к дереву, можно посидеть и сделать короткую паузу. Но как только он сел и, расположившись поудобней, вытянул ноги, тут же заснул – и спал как убитый. А когда проснулся, уже было поздно: руки и ноги окоченели, он не мог сдвинуться с места.

Раненого солдата в таком состоянии – полуживого, полумертвого – нашли женщины близлежащего украинского села и привели домой. Оказывали ему всякую помощь. Полумертвый солдат оживился, постепенно пришел в себя. Со временем стал даже говорить. Его раненая рука сильно опухла, временами боли так обострялись, что больной стонал, корчился, как раненая змея. Докторов и медикаментов не было. Крестьянкам пришлось лечить его руку дедовскими методами.

Прошли недели. Раненый солдат встал на ноги. Краснота и опухлость руки постепенно начали убывать. О нем сообщили представителям местной власти. Пришли люди, проверили его документы, спросили, откуда он, из какой воинской части и каким образом оказался в лесу, где его нашли женщины села. Связались с руководством армии и госпиталя. Все сопоставили, сверили, и все было правильно. К этому моменту состояние раненой руки заметно улучшилось. Учитывая все это, ампутацию отменили. Солдат был демобилизован. Ему дали указание: дома продолжай лечиться дедовскими методами украинских крестьянок. Но одновременно дали и прописали ему кое-какие лекарства, и он должен был минимум два раза в месяц обращаться к профессиональному врачу.

* * *

Прошло пятнадцать лет. Ордена и медали бывшего фронтовика, припрятанные в чемодане, были обнаружены моим братом. До этого момента я о них ничего не слышал. Брат же, видимо, кое-что знал и выбрал благоприятный момент для того, чтобы как следует рассмотреть

их. А я случайно стал свидетелем и в качестве пассивного наблюдателя присоединился к нему. Мое присутствие даже в таком статусе явно не понравилось брату. Но все равно он продолжал свое дело: вытаскивал из свертка блестящие штучки, переворачивал туда-сюда, поднимал до уровня глаз, отодвинув чуть дальше от себя, внимательно, даже с каким-то изумлением на лице осматривал их, потом клал обратно, брал другие... Вдруг в его руках блеснула медаль, которая мне очень понравилась. Забыв о своем статусе, я сказал:

– Дай я тоже посмотрю!

– Нет, – сказал брат, – нельзя.

– Я на минутку посмотрю и сразу верну.

– Сказал нет, и все, – оттолкнув мою протянутую руку, сказал брат. Медаль же он быстро положил в сверток, а сверток – в чемодан. Все в обратной последовательности аккуратно положил на свои прежние места и как-то второпях, даже обиженно, вышел из комнаты.

Я знал, что, кроме нас двоих, дома никого нет. Брат вышел и не скоро вернется. Я на всякий случай заглянул во двор: его там не было. Теперь можно. Я быстро снял вещи, которые лежали на чемодане. Открыл чемодан – он не был заперт ключом, – вытащил сверток, достал медаль, которая мне очень понравилась. Она блестела так, будто была сделана из чистого золота. На ее нижней части был какой-то рисунок. И еще надпись на русском языке. Я совершенно не знал этого языка, поэтому не смог прочесть. Для меня главным были не рисунок и не надпись, а сама медаль. Ее блеск, красота и таинственное величие завораживали, притягивали. Подражая брату, я начал рассматривать ее со всех сторон, поднял до уровня глаз, потом отодвинул чуть дальше от себя и стал на нее смотреть. В отличие от брата я даже примерил ее на себя. Подходит! И тут же в моей детской голове появилась странная идея: я буду носить ее на своей груди. Конечно, не дома. В школе! Я буду носить ее, когда пойду в школу. Вот это будет сюрприз: в школе ни у кого нет медали, а у меня будет.

На следующий день утром, когда я пошел в школу, эта медаль уже была у меня на груди. Накануне после осмотра я не вернул ее в сверток, спрятал в другом месте. Утром же, выходя из дома, нацепил на грудь.

Обычно со школы мы с братом возвращались в разное время. Утром же из дома всегда выходили вместе. Уже на улице иногда слышали голос матери, обращавшейся к моему брату: «Не оставляй брата. Идите вместе. Он маленький, не позволяй, чтобы другие дети обижали его. Слышишь, что я сказала?» Брат ей не отвечал, но старался хотя бы формально выполнять ее указания. А как только мы доходили до ворот школы, он окончательно забывал о моем существовании и даже не интересовался, где я пропадаю, кто меня обижает, кто бьет.

По дороге в школу он всегда шел впереди на расстоянии около пятнадцати метров. Но временами он ускорял шаг – может быть, я сам незаметно для себя начинал медлить, – и расстояние увеличивалось. Сразу же, прямо пропорционально этому, возрастало и мое внутреннее недовольство. Я считал, что брат относится ко мне плохо. Он опять оставил меня далеко позади, а сам идет как ни в чем не бывало.

Расстояние от нашего дома до школы было более одного километра. В середине пути я уставал и начинал идти все медленней. Брат же бывал вынужден останавливаться, поворачиваясь назад, старался торопить меня:

– Ты давай побыстрее, мы опаздываем на первый урок...

И в этот день мы с братом вышли из дома вместе. Он, как всегда, шел впереди. А в первый раз, когда он остановился, чтобы упрекнуть и поторопить меня, от удивления сначала онемел, нахмурившись и молча стоял, с сожалением качая головой, спросил:

– Зачем ты это взял?

Я ничего не отвечал. Левой рукой прикрыл медаль на груди так, будто брат пытался отнять ее у меня.

– Так и пойдешь в школу?

Я и на второй его вопрос не ответил. Но весь мой вид говорил, что, если он будет продолжать в том же духе, я поверну назад и не пойду в школу. Брат отвернулся, ускорил шаг, все дальше и дальше отдаляясь от меня, продолжил свой путь. Он больше нигде не останавливался, назад не поворачивался, на меня не смотрел и никаких замечаний не делал.

Уже в классе один из моих товарищей потрогал мою медаль и, улыбнувшись, спросил:

– У тебя медаль?

– Да, – сказал я.

– Это на самом деле твоя?

– Конечно.

Я даже не знаю, заметил ли кто-нибудь из учителей медаль на моей груди. Во всяком случае, точно помню, что замечаний от них не получал. Только потом до меня дошло, что медаль мог увидеть учитель русского языка. Он отличался своим резким характером, и, наверно, без острых замечаний не обошлось бы. С войны он вернулся позже всех оставшихся в живых фронтовиков нашего села, потому что там – то ли в России, то ли на Украине – женился. Потом по неизвестной причине оставил жену с двумя детьми и приехал в свою деревню. Здесь женился, дети уже в школу ходили. Без одной ноги – одну ногу ампутировали – с костылем в руках, он выглядел даже активнее других преподавателей. Везде во всем преуспевал. Впечатление было такое, как будто вместе с протезом ему поставили второй двигатель, точнее – второе сердце. Как только вернулся на родину, он сразу же заочно поступил в педагогический институт и успешно его окончил. Все время был в движении. Учительская была на втором этаже, а половина классов – на первом. В день минимум десять раз он поднимался на второй этаж и спускался обратно. На переменах с костылем в руках, шаркая протезом, часто гулял во дворе школы, и при виде его все ученики вели себя заметно скованнее, друг друга предупреждали: «Учитель здесь...» В то трудное время многим тяжело было содержать одну семью, а он – инвалид без одной ноги – вкалывал, аккуратно платил алименты, содержал две семьи. Шаркающий протез, костыль в правой руке и резкий характер учителя русского языка настораживали нас, учеников, мы все боялись его – но не страшились – и очень уважали. А если бы он увидел мою медаль, безусловно, было бы неприятно.

Позади остались два урока и одна перемена. На большой перемене я поднялся на второй этаж. Просто хотелось дать понять брату, что он напрасно волнуется: вот я с медалью пришел в школу – и все нормально. А там, в классе брата, случайно наткнулся на сына председателя колхоза. Его язвительная улыбка была настолько уничтожающей, что я не в силах был ответить ему. А он продолжал нагло смеяться надо мной и, не дожидаясь моего ответа, спросил:

– Емахдан алдын?

Это был второй шокирующий удар. Я уже был в нокауте. Его вопрос «Емахдан алдын?» с азербайджанского на русский язык переводится так: «Ты это получил за обжорство?» Это было оскорбление. Значит, я ни на что не способен и могу отличиться только своим обжорством.

Этот негодяй меня совершенно не знал – впервые мы с ним стояли лицом к лицу и вроде бы разговаривали, – но имел наглость так беспардонно охаивать меня! Как он мог додуматься до такого: «Емахдан алдын?» Не только его язвительная улыбка и отвратительные мысли, но даже говор его был отталкивающе-чужим. Слово «емахдан» мы никогда не произносим со звуком «х», это слово мы произносим с «к». Он, конечно, говорил на азербайджанском языке, но его диалект отличался от нашего – местного. Это потому, что сам председатель колхоза и вся его семья не местные, а приезжие. К нам, в нашу деревню, они приехали два-три месяца назад. До этого жили в Баку. Глава семьи работал педагогом, а его сын учился в приличной городской школе. Вдруг привычный ритм их городской жизни нарушился – педагога назначили председателем нашего колхоза.

В принципе, председателей колхозов не назначали, а выбирали на общих собраниях колхозников. Получается, что колхозники нашего села каким-то образом узнали – то ли в газете прочитали, то ли по радио услышали, – что в Баку есть один педагог и только он может заменить легендарного председателя Фиридун-киши, который более пятнадцати лет бессменно возглавлял колхоз и, оставив после себя очень хорошие воспоминания, ушел из жизни. Нет, такого не было. Как говорится, давайте назовем вещи своими именами: человеку нужна была хорошая должность, и он попросил у своих покровителей... Да зачем мелочиться, если все понятно как дважды два?

Как это «Емахдан алдын?» меня оскорбило! А брат стоял и смотрел как ни в чем не бывало. Ему же сказано: не позволяй, чтобы другие дети его, то есть меня, обижали, и в данной ситуации он, как старший брат, должен был вмешаться и довести до сведения этого наглеца: «Он мой брат, я его хорошо знаю, он никакой не обжора». Мой брат же молча стоял и смотрел на меня. По-моему, он даже был рад, что за эту медаль мне досталось.

В то время еды было не так уж много, чтобы мы, дети, обжирались и даже соревновались между собой, кто больше съест. Поэтому ни я, ни другие дети нашего села обжорством не занимались, это было невозможно – материальная база не позволяла. У нас никто не додумался бы задавать вопрос другим людям: «Емахдан алдын?»

Я не знал, что делать. В то время я был маленьким и не умел постоять за себя. Только потом – после третьего класса – я начал бороться и драться со своими сверстниками. А что было бы, если бы в тот момент, когда сын председателя колхоза своим бесстыдным вопросом оскорбил меня, мне было бы не восемь, а, скажем, одиннадцать лет, и в порыве гнева я потерял бы рассудок, дошел бы до того, что даже руку поднял бы на сына председателя?

Многие – в первую очередь, конечно, директор школы – не простили бы мне эту дерзость. Директор сразу же созвал бы экстренное собрание коллектива школы. Он очень внимательно следил за тем, чтобы в нашей, на вид очень красивой, школе дисциплина была на высоком уровне. Поэтому при более или менее благоприятной погоде проводились общие собрания школы, где всегда обсуждался только один вопрос: дисциплина. Скорее всего, это было не обсуждение. Какое там обсуждение, если мы – ученики и педагоги – молча стояли и слушали, а директор все время безостановочно говорил и говорил... Это было не обсуждение, а монолог.

У нас в школе не было большого зала, где мы могли бы собираться всем коллективом. Поэтому собрания проводились во дворе школы – у подножия лестницы. Ученики становились в ряды по классам. А директор поднимался вверх по лестнице и стоял на площадке между первым и вторым этажами. На этой же платформе, чуть позади, стояли завуч, супруга директора – она тоже была педагогом – и учитель русского языка. Остальные педагоги стояли внизу, в основном же рядом с учениками, классными руководителями которых они были.

Итак, под ясным небом и при хорошей погоде мы, всей школой, смиренно стояли и молча слушали, а директор, стоя на высоте двух метров от поверхности земли, выступал.

У меня есть одна плохая привычка: когда человек монотонно пустословит, слушая его речь, через две-три минуты я засыпаю; а если речь оратора от начала до конца фальшь и в целом ей грош цена, тогда засыпаю даже раньше. Так было и в детстве; видимо, это у меня врожденный дефект. На этих собраниях я всегда дремал. Но в какой-то момент, вздрагивая от испуга, просыпался, потому что пустая тарабарщина переходила в опасную угрозу. Мое сонное сознание реагировало на резкое изменение амплитуды и интенсивности звуковых волн оратора, то есть на крик директора.

– Если так будет продолжаться, – говорил директор, – будем объявлять ему строгий выговор с занесением в личное дело!

Это означало, что кто-то из учеников – обычно это был один из старшеклассников, но, к сожалению, я все время засыпал и упускал момент, когда директор оглашал имя и фамилию нарушителя, проснувшись же, нельзя было спросить у соседа-одноклассника, потому что на

собраниях спать не разрешалось, мы должны были смирно стоять и молча слушать – грубо нарушил дисциплину, а теперь его дела плохи.

Я не знал, что такое личное дело и как можно всю эту гадость заносить туда. Но я уже слышал о высшей мере наказания – расстреле – и думал, что это таинственное «занесение» то же самое, что и расстрел. Но это применяется только в школах и с ведома директора. Обстановка накалялась, и все это ужасно подавляло меня; страшно было настолько, что я никогда не осмеливался даже спросить у людей, что такое строгий выговор с занесением в личное дело?

Оказывается, меня ожидали непредвиденные опасности. И хорошо, что сын председателя колхоза своей язвительной улыбкой и нетрадиционными вопросами ошеломил меня и отбил охоту носить незаслуженную медаль на груди.

* * *

Раненого солдата демобилизовали из армии. Весной 1944 года он вернулся домой. Везде, в том числе и в его родной деревне, свирепствовал голод. В тылу тоже шла война. Голод косил людей. Об этой беспощадной войне нам рассказывала моя мама. По ее рассказам, когда началась война, ей было пятнадцать лет. Она училась в педагогическом техникуме, куда поступила после окончания семилетней школы. Сдав экзамены после первого курса, она вернулась домой. А в это время началась война. В начале следующего учебного года она поехала в райцентр Агдам, где находился техникум. Всех педагогов-мужчин забрали в армию. Студентов встречали педагоги-женщины. Они собрались в актовом зале. Перед студентами выступал преподаватель истории – очень грамотная женщина, лучший пропагандист райкома партии.

– Как вам известно, – сказал оратор, – немецкие фашисты напали на нашу страну. Западные регионы Советского Союза уже захвачены. Одна из союзных республик, Белоруссия, оккупирована полностью. Немцы там хозяйничают и полностью ввели фашистский порядок. Война началась внезапно, технически хорошо оснащенные немецкие войска продвигаются очень быстро. Поэтому эвакуация мирного населения не была доведена до конца. Основная часть населения Белоруссии, в основном дети, женщины и пожилые мужчины, осталась на местах постоянного проживания. А там уже введен фашистский порядок: террор, насилие и полное беззаконие. Для немцев местное население – белорусский народ – совершенно бесправные рабы: любого человека расстреливают без каких-либо оснований сразу же, на месте, близким и родственникам не разрешают даже их похоронить; всех женщин – от пятилетних девочек до восьмидесятилетних старух – насилюют и расстреливают. Каждый день от рук немецких палачей гибнут тысячи ни в чем не повинных людей. Все села и города Белоруссии, в том числе и столица республики город Минск, превращены в руины. Белоруссия – уже ад.

Немцы как нация считают себя лучше и выше всех остальных народностей мира. Но в этой больной самовлюбленности есть и другая сторона: немец, настоящий немец – у них это называется националистически мыслящий немец, – страшно ненавидит все нации и народности мира. Вся Германия, все немцы больны национализмом, расизмом, шовинизмом. Даже их государственный гимн начинается с национализма:

*На земле всего превыше
Лишь Германия одна...*

Это не только гимн немецкого государства, но и любимая песня всех немцев, в целом это песня немецкого народа; можно сказать, что это их народная песня. Еще с колыбели немцу внушают, что он лучше всех, выше всех. В чем заключается это абсолютное превосходство? У них много аргументов. Они считают себя нацией поэтов и мыслителей и говорят, что их знаменитый поэт Иоганн Вольфганг Гете похож на Бога.

Зал сразу оживился, и мертвая тишина, царившая в этой большой аудитории, была нарушена. Как правило, ораторам это не нравится. Педагог сразу среагировал, даже вроде и забеспокоился. Он прервал свою речь, вопрошающим взглядом внимательно осмотрел слушателей и, наконец, обращаясь к залу, спросил:

– Что случилось? Вам что-то непонятно?

Оживление чуть-чуть убавилось, но не прекращалось.

– Ну ладно, чтобы вам все было ясно, я вынуждена повторить свои последние слова. Слушайте, пожалуйста, внимательно. Немцы говорят: «Мы – нация поэтов и мыслителей, и наш великий, всемирно известный поэт Иоганн Вольфганг Гете похож на Бога». Вы все слышали, что я сказала?

– Да, все слышали, все понятно, – из разных точек зала слышались голоса, а это означало, что всем все понятно.

– Очень хорошо, – сказал оратор. – Тогда я продолжу свое выступление. Где я остановилась?.. А, да. – Но в это время она заметила, что где-то в середине зала, по левую сторону от нее, сидящий ближе к окну худой и совсем, казалось, даже как будто незаметный парень, робко поднимая руку, еле слышно спросил:

– Можно?

– У вас ко мне вопрос или вы хотите, чтобы я еще раз повторила только что сказанное? – спросил оратор.

– У меня вопрос.

– Пожалуйста.

– Я бы хотел знать, тот, кто говорит такие слова, он видел Бога? – сказал парень, весь покрасневший от стыда и непосильного для его хрупкого тела напряжения.

Весь зал повернулся к нему еще в тот момент, когда он своей просьбой как будто вышел на арену и бросил вызов уважаемому педагогу. Люди думали, что он делает это из эгоистических соображений, хочет себя показать, и сейчас начнется никому не нужный спор образованного педагога и посредственного студента техникума. А результат заранее известен: студент будет повержен и опозорен. Кому это надо? Всем, кто его знал и был с ним в хороших отношениях, было жалко его, кое-кто стыдился за его нетактичное поведение, а кому-то его действие в данной ситуации показалось глупо-смешным, даже комичным. Но все, затаив дыхание, с нетерпением ждали, что же он скажет. Общее мнение было таково: этот человек совершает страшную ошибку и собирается лезть не в свое дело; когда речь идет о вещах, в которых ты ничего не смыслишь, разумнее всего молчать. Он же, глупец, осмеливается даже задавать вопросы. А как только он высказался, все облегченно вздохнули и чуть было не стали аплодировать ему. И, как ни странно, у всех в голове крутился именно этот вопрос. Но только у него хватило смелости высказаться. Ему завидовали, каждому студенту хотелось быть на его месте.

– Это все? У вас нет другого вопроса? – спросил оратор.

– Все. У меня только один вопрос, – ответил парень.

– Садитесь, – сказал оратор, и с этого момента все взоры были прикованы к нему. Теперь все думали об одном: что же скажет их любимый педагог; в любом случае это очень сложная тема, лучше бы ее не затрагивать. Но вопрос уже был на повестке дня, и во всем виноваты немцы, они не дают людям спокойно жить и заниматься своими делами. – Прежде чем ответить на этот вопрос, я покажу вам портрет немецкого поэта Гете. Вот он здесь, в этой книге; это учебник по литературе. – Она взяла книгу, полистала ее, нашла портрет Гете, потом, обращаясь к парню, сидящему в первом ряду, ближе к трибуне, сказала: – Молодой человек, потрудитесь, пожалуйста, покажите это всем сидящим в зале. Ну вы поосторожней, пожалуйста. Не рвите портрет поэта.

Осмотр портрета Гете завершился.

– Ну как, все видели портрет Гете?

Студенты почти хором ответили: «Да».

– Очень хорошо. А каковы ваши впечатления? Вы, молодой человек, – она рукой указала на парня, который задал ей вопрос, – с вас и начнем.

– Ну что сказать, обыкновенный старый человек, только очень богато одет. Если снять с него вот эти шикарные, пышные вещи и заменить их обычной, повседневной одеждой мужчин того времени, то наверняка внешний вид его будет совсем не приятным.

– А вы что думаете? – Педагог обратился к парню, который с книгой в руках ходил и показывал сидящим в зале портрет немецкого поэта.

– Честно говоря, этот старик мне не нравится. Он какой-то отталкивающий.

Девушки выразили свое мнение немногословно. Но это звучало намного убедительней:

– Нехороший он. Не знаю, мне не нравится.

– Нехороший человек.

– Немец, фашист, да-а...

– Он тоже один из тех, кто в Белоруссии убивает детей и.

Подытожив опрос, педагог сказал:

– Поэты и мыслители есть у каждой более или менее известной нации. Однако это не показатель того, что ее солдаты имеют право насиловать пятилетних девочек и восьмидесятилетних старух. Немцы же слишком гордятся своими поэтами и мыслителями, даже обожествляют их. А своего поэта Гете они сравнивают с Богом. Немецкие мыслители пишут, что Гете похож на Бога. Обратите внимание, как нелепа и смехотворна сама мысль, и как правильно отметил ваш товарищ. Спрашивается, господа немецкие мыслители, вы видели Бога? Если нет, то как можно утверждать, что Гете похож на Бога? Его портрет вы уже видели, и он вам не понравился. Честно говоря, мне тоже не нравится этот самодовольный ханжа. Значит, его внешность не играет никакой роли. Наверно, думаете, все связано с его талантом? Нет. Немецкие мыслители сами тоже прекрасно знали и знают, что Гете нельзя сравнивать с Шекспиром, Данте и Вергилием, он им даже в ученики не годится. Когда Гете еще был жив, его творчество получило достойную оценку поэтов и литературных критиков: по их мнению, Гете один из хороших поэтов, он талантлив, но не гений, язык его поэзии и прозы – это придворный язык, сам же он как человек – бесчувственный эгоист. Бесчувственный эгоист – это как раз то, что вас всех отталкивает. К этому надо добавить еще и то, что Гете не вел себя как настоящий труженик словесного искусства. Он часто присваивал чужой труд, занимался спекуляцией. Гете был богат и за хорошие деньги нанимал очень известных филологов-поэтов того времени – например, Эккермана, Римера, – которые жили в его доме и вкалывали за этого «богоподобного эгоиста». Их оформляли как личных секретарей поэта. Гете делал черновые наброски... Вы знаете, что такое черновые наброски стиха или рассказа? В основном эта просто филькинограмма, очень далекая от нормального стиха и рассказа. Значит, Гете делал черновые наброски, а личные секретари день и ночь работали, оттачивали, отшлифовывали гетевские филькинограммы и доводили их до совершенства. Только «богоподобный» немецкий поэт мог додуматься до такого рода спекуляций. Человек настолько деградировал, что нигде не мог обойтись без эксплуатации. А как же иначе, если он был похож на Бога? Он же необыкновенный, богоподобный, в таком случае зачем ему сидеть и, как все другие поэты, трудиться до седьмого пота?

Мы долго возились с «богоподобным» немецким поэтом. Но нам надо еще ответить и на вопрос: что на самом деле из себя представляет эта нация? Ответ очень короткий и конкретный: вспомните Белоруссию. В Белоруссии немцы показали свое настоящее лицо. На деле мы видим совсем другую картину. Оказывается, немцы вовсе не лучшая и высшая нация. Исходя из реальных фактов – в данное время для меня главное – Белоруссия, немцам от этого некуда деваться и нечем выпендриваться, это неопровержимый факт, – можно совершенно четко и однозначно заявить: немцы как нация – это сборище насильников, палачей и аморальных уродов.

Немецкие войска с каждым днем все больше и больше приближаются к столице нашей страны – городу Москве. Немцы хотят полностью оккупировать нашу страну, стереть с лица земли все ее села и города, как они сделали это в Белоруссии. Они хотят наших людей, оставшихся в живых, превратить в бесправных рабов и заставить работать до смерти, на глазах отцов, братьев и мужей насилловать всех женщин...

На наших глазах рушится мир. Мы, от мала до велика, должны объединиться, чтобы остановить этих обезумевших насильников, палачей, аморальных уродов. Мы должны помочь нашим воинам, чтобы они смогли выстоять и дать отпор агрессору. В данный момент, когда мир рушится на ваших глазах и человечество перед дилеммой «быть или не быть», вы – молодые парни и девушки – не имеете права спокойно сидеть в уютных аудиториях и слушать лекции, – сказал далее оратор. – Занятия в нашем учебном заведении откладываются на неопределенный срок. Вы должны вернуться домой. Везде, в том числе там, где вы живете, не хватает рабочей силы, потому что все взрослые мужчины – наши отцы, братья, сыновья – ушли на фронт. Война – это не только сидеть в окопах и стрелять друг в друга. Война – это и экономическая битва. Нашим воинам нужны оружие, одежда, еда. А все это дает тыл. Вы тоже солдаты, вы тоже должны воевать – трудиться, чтобы у наших воинов было все.

После собрания мама – тогда еще молодая девушка, студентка – вернулась в свою деревню и пошла к председателю колхоза. Он внимательно выслушал слова, которые были пересказом услышанного ею в техникуме.

– А какую работу дать тебе, дочка, если ты такая хрупкая и не умеешь пахать, сеять, косить? – с легкой иронией спросил председатель колхоза.

– Да, я не умею пахать, сеять, косить, – сказала девушка. – Но я читаю, пишу и очень хорошо считаю. – В то время не каждый умел все это сразу. Сам председатель колхоза был неграмотный пожилой мужик.

– А-а, ты, оказывается, хорошо считаешь?

– Да, я хорошо считаю. Я же собираюсь стать преподавателем математики.

– Это хорошо. Ты будешь работать счетоводом. Мне как раз нужен человек, который честно и грамотно будет вести учет зерна в амбарах. Знаешь, сейчас голод. Зерно воруют.

С началом войны цены на товары первой необходимости резко подскочили. Особенно подорожал хлеб. Если нет керосина, можно обходиться без керосиновой лампы, если нет мыла, можно умываться без мыла. А без хлеба не обойтись. Хлеба не было. Если где-то и был, то очень дорого стоил. Не у каждой семьи была возможность купить по баснословной цене килограмм пшеницы, муки, буханку хлеба. Люди стали продавать все: золотые украшения, ковры, килимы, скот... чтобы купить хлеб. Это тоже не помогало. Люди голодали и умирали как мухи – голод косил их. Особенно пострадали дети: погибло много детей, а у оставшихся в живых от систематического недоедания стала развиваться чахотка – болезнь, которая в то время была равносильна гибели. Многие дети военных лет были обречены и продолжали гибнуть даже в послевоенное десятилетие, потому что уже были больны.

В такое трудное время молодой девушке поручили очень ответственную работу. В семье она была старшей, кроме нее было еще четверо детей, старшему из которых было восемь лет, а самому младшему всего год. Отца не было – он умер полгода назад. Мать никогда не работала, а в период войны даже при желании не смогла бы из-за несоответствия тогдашним критериям: не умела пахать, сеять, косить.

Спустя много лет мама очень сожалела, что из-за войны не смогла завершить свою учебу в техникуме: «Сейчас я бы работала педагогом. Чистенько одетая, ходила бы в школу и получала бы хорошую зарплату. И не пришлось бы мне целый день возиться с этими курицами, индюшками, с лопатой в руках возделывать землю в огороде...» Конечно, она была права. Но она забывала о главном: если бы в то трудное время она не работала, ее младшие братья и сестры, в том числе и ее мать, наверняка погибли бы от голода.

Мама рассказывала и о возвращении отца – в то время холостого молодого парня. Они поженились после войны. Оказывается, было получено сообщение, что он погиб на фронте. И вдруг он появился. Как это, сказали же, погиб? Люди не знали, что делать: верить живому человеку или бумажке?

... Не обнаружив раненого солдата в палате, начали его искать. Но не нашли. Позже выяснилось, что он покинул госпиталь через окно палаты. За ним никто не пошел, и не стали искать его в лесу. Думали, что перед операцией молодой человек вышел погулять, набраться сил. Потом он вернется и ляжет на операционный стол. На завтрак он не явился. И во время обеда его не было видно. Интересно, где он пропадает? Думали, к вечеру точно придет. Но увы. Вечером он тоже не появился. У него нет еды. Куда мог уйти раненый голодный солдат? Так ждали его целых три дня. Позже пришли к выводу, что пациент без разрешения медперсонала покинул госпиталь, через некоторое время заблудился в лесу и там же погиб. Через несколько дней было отправлено письмо в военкомат Агдамского района, где было коротко написано, что он погиб в боях. А в это время раненого солдата лечили в каком-то украинском селе.

Так вот, получили официальное сообщение о его гибели. Его считали погибшим, даже начали забывать о нем. И вдруг – надо же! – он явился самолично. Безусловно, в его руках была соответствующая документация. Но такая же бумажка пришла сюда пару месяцев назад, и там черным по белому было написано, что он погиб. Что-то подозрительно было.

Председатель колхоза вынужден был оставить все свои дела. Вместе с председателем сельсовета он срочно явился к вернувшемуся с фронта солдату, чтобы самому убедиться, что здесь подделки нет. Визуально вроде все было нормально: да, это действительно тот молодой человек, который четыре года назад ушел в армию. За это время, безусловно, он успел и значительно измениться – возмужал. Но все равно подозрения остались. Люди смотрели на него как-то недоверчиво. Конечно, во всем виноват он сам, и все это началось давно – в тот момент, когда он ночью открыл окно палаты и тайком выбрался из госпиталя. Он привык к этому и знал, что в конце концов все будет нормально. Но он должен был как-то рассеять подозрения, то есть доказать, что он – действительно он. Когда люди сомневаются, что ты не тот, за кого ты себя выдаешь, это плохо, и очень трудно доказать обратное.

Раненый солдат каждому гостю в отдельности рассказывал свою историю: как он в боях за освобождение Кременчуга был ранен... А председателям колхоза и сельсовета особенно тщательно и детально рассказывал эту историю. Потом по ходу беседы ему пришлось снова и снова возвращаться к отдельным деталям, потому что старики задавали очень много вопросов. Но подозрение рассеять полностью так и не удалось. Потому что он, оказывается, еще и совершил побег из госпиталя. Это же нарушение. Тем более в военное время. Нет, это дело нельзя так оставлять. Поэтому на следующий день председатель сельсовета вместе с раненым фронтовиком поехал в военкомат. А там полностью подтвердилось то, что он за сутки уже сотый раз рассказывал своим землякам, односельчанам. Фронтовика оставили в покое, и он начал заниматься лечением своей руки. Видимо, с того времени у отца стало привычкой часто рассказывать о Кременчуге. Этим он настолько увлекся, что, по-моему, со временем практически забыл о других событиях войны. Кременчугские события же от частого повторения приобрели ясность, четкость, последовательность и структурную целостность во всех деталях, а также в целом от начала до конца. Весь этот текст он очень хорошо вызубрил и при первой же возможности начинал свой рассказ: «Там, в Кременчуге.»

Первый возвращенец

рассказ

Война была в разгаре. И вдруг с фронта вернулся живой человек. Никогда такого не было, Гурбан был первым возвращенцем. До него ни один человек, даже мертвый – ведь тела погибших хоронили там, где они погибли, – с фронта не вернулся. А Гурбан – живой солдат – вернулся с фронта. Люди, в основном пожилые мужчины и женщины, поспешили к встрече с ним. Оказывается, в одном из боев он был ранен и попал в госпиталь. Ранений у него было много. В госпитале все раны вылечили, и Гурбан встал на ноги. Но его правая нога была изуродована так, что, волоча ее за собой, Гурбан еле передвигался. Можно было ее ампутировать, но не стали – все же своя нога лучше. Гурбана демобилизовали, и он вернулся домой. Пока ему нельзя было долго стоять на ногах или сидеть на стуле. Поэтому Гурбан в положении полулежа, облокотившись на подушки, беседовал с гостями.

Время было тяжелое. Даже стакан чая гостям подавали без сахара. Да и сам чай был ненастоящий – его заваривали из чабреца. Но многим цвет такого чая не нравится.

– Это что? Как моча, – говорят они и не пьют его.

Поэтому в заварной чайник положили тонкие айвовые веточки, и чай стал коричневым.

Потом гости ушли. А Гурбан лежал и отдыхал. Его поразила необычная тишина родного края. От нее приятно звенело в ушах. Раньше он на это внимания не обращал и считал, что так и должно быть. А после фронта, где от грохота пушек и взрыва бомб земля содрогалась и чуть не лопались уши, абсолютная тишина, царившая на его красивой родине, казалась чем-то необычным, непривычным, даже неестественным. У него было такое впечатление, что это всего лишь мгновение и сейчас, в сию же минуту, начнется канонада пушек – и тишина нарушится. Вдруг эта необычная тишина, так приятно поразившая Гурбана, на самом деле нарушилась. Проведать фронтовика с окраины в центр деревни, где жила семья Гурбана, пришла женщина. Она не приходилась им родней, не была соседкой. Она хотела повидать Гурбана, поговорить с ним, посоветоваться.

В присутствии чужой женщины мужчине не следует лежать. Женщине дали понять, что человек болен, после больницы он очень слаб. Поэтому он может поговорить с ней только в положении полулежа.

– Да что вы говорите? – как-то нервозно сказала женщина и всем своим видом демонстрировала, что в данное время такие пустяки, связанные с приличиями, ее не волнуют. – Он же мне в сыны годится...

Вот и опять в положении полулежа и облокотившись на подушку, Гурбан беседовал с очередным посетителем. Ему уже стало ясно, что ее сына забрали в армию. Но долгое время от него нет вестей. Гурбан – опытный фронтовик, как говорится, собаку съел в этом деле, и сразу понял, что парень или погиб, или в плен попал, или же пропал без вести. Если он погиб, должны были сообщить его семье. А что же тогда. Гурбан думал о судьбе Сулеймана, мать которого рядом сидела и рассказывала о своем горе. Она даже не притронулась к стакану, а чай уже остыл. И вдруг она задала очень странный вопрос, который, можно сказать, сразу же ошеломил Гурбана и чуть было не вывел его из равновесия:

– Вот такое у меня горе, Гурбан. Я пришла спросить у тебя: может быть, ты там видел нашего Сосо или кто-нибудь из твоих товарищей случайно его встретил и что-нибудь сказал тебе о нем?

Сосо – ласкательное имя Сулеймана, так называли его дома. Мать же так привыкла к этому, что никак не могла называть своего сына иначе.

То, что долгое время от Сулеймана нет вестей, конечно, плохо. Но обсуждать этот вопрос с его матерью нельзя. Ситуация же была такая, что Гурбан должен был сказать свое мнение по

данному вопросу. Вначале он растерялся и чуть было напрямую не высказал, что думает. Но вовремя опомнился и начал хитрить: уклонялся от прямых и однозначных ответов; пожимая плечами, выпячивал губы и свободной рукой делал какие-то неопределенные жесты, что означало: «Понятия не имею...» – время от времени повторял одну и ту же фразу: «Понимаешь, это же война. Всякое бывает». А мать Сулеймана, хоть порой и поддавалась на его уловки, но постаралась по возможности не дать ему совсем обвести ее вокруг пальца и вешать лапшу на уши. Ее вопрос («Может быть, ты там видел нашего Сосо?») стоял на повестке дня и требовал четкого, однозначного ответа. Между тем Гурбан думал, ломал голову и хотел найти более-менее приемлемый ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.